
С.И. Кормилов

«Небывалая осень построила купол высокий...»

Сильный дух и воля к жизни выступают в стихотворении 1922 года «Небывалая осень построила купол высокий...» (из книги «Anno Domini»), светлом по тональности, оптимистичном, точнее, умиротворенном. Его появлению предшествовали лишения времен гражданской войны, тяжелейшие потери, неудача попыток устроить личную жизнь. Одиннадцать строк из двенадцати — развернутый пейзаж, картина необыкновенной «весенней осени». И оказывается, что последний, неожиданный стих «Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему» — главный, ради которого написано все стихотворение. Кто-то неназванный, да еще спокойный (самый «невыразительный», казалось бы, ничего не значащий эпитет, но насколько успокоительно это спокойствие по сравнению с мнимым спокойствием жутко улыбающегося страдающего человека и веселым спокойствием «верного друга!»), появился перед героиней, и это оказалось чрезвычайно для нее важно. Она уже мечтает не о счастье, а, как 35-летний Пушкин в стихотворении «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...», только о покое, и мы понимаем вдруг, до какой степени ей, дивящейся вместе с другими людьми небывалой осени, этого покоя не хватало. Ахматовой уже тридцать три года: по тогдашним понятиям, молодость кончается. К 1922 году относится начало ее отношений с искусствоведом Н. Луниным, обернувшихся длительной совместной жизнью, хотя счастья, да и покоя настоящего так и не принесли. Пока героиня стихотворения надеется пусть не на самое лучшее, но на хорошее.

Осень олицетворена: строит купол неба, запрещает облакам его «темнить», «жадно» ласкается к солнцу. Постепенно олицетворение вытесняется личностной человеческой позицией. Восприятие удивленных людей становится конкретнее: *видна* изумрудная вода в каналах, *пахнет* крапива, как розы, «было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых» (эпитет «алых», пришедшийся на рифму, в этом контексте не чисто цветовой, он не менее значим, чем «нестерпимых» и даже «бесовских»), таких, что «их запомнили все мы до конца наших дней» — уже не люди вообще, а «все мы» и до конца дней, героиня уверена в этом, хотя о скорой смерти, в отличие от героинь «Вечера» и «Четок», отнюдь не думает. Слово «мы» выделено и метрическим перебоем: торжественный, протяженный 5-стопный анапест теряет внутри стиха два слога, в том числе ударный, строка распадается на два метрически одинаковых полустушия (по две стопы), пауза подчеркивает серьезность ожидаемого — «до конца наших дней». В последнем же четверостишии, где возникает сравнение солнца с нестрашным мятежником (осень взбунтовалась) и появляется образ подснежника, цветка «новой», возрождающейся жизни, «мы» заменяется на «я», хотя и в форме притяжательного местоимения («к крыльцу моему»), — соответствующее как бы неожиданно появившемуся, но подготовленному всем строем стихотворения «ты». В этом четверостишии точные рифмы, ровный метр. Стих гармонизируется так же, как и содержание.